

**АЛЕКСЕЙ
ВОЛКОВ**

**ПУТЬ
ВОРОНА**

Враг у ворот. Фантастика ближнего боя

Алексей Волков

Путь Ворона

«ЭКСМО»

2012

Волков А. А.

Путь Ворона / А. А. Волков — «Эксмо», 2012 — (Враг у ворот.
Фантастика ближнего боя)

© Волков А. А., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Вместо пролога	5
Часть первая	7
Тринадцать лет после Катастрофы. Лето	12
Тринадцать лет после Катастрофы. Весна	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Алексей Волков

Путь Ворона

Вместо пролога

Шесть лет после Катастрофы

Они столкнулись внезапно, два матерых хищника, просто гудевший высоко в кронах ветер приглушал звуки, а густой ельник прикрывал обоих до поры до времени, а итогом – одновременный выход на полянку, и дальше они застыли шагах в пятнадцати друг от друга, не зная, нападать ли, отступить... Два матерых хищника. Человек и волк.

Волчище оказался крупным, Воронову до сих пор не приходилось видеть таких, невольно потянуло на избитое сравнение – ростом с теленка, но тут оно, пожалуй, было почти верным. Весь серый, только выделялась черная блямба носа да светились большие умные и недобрые глаза. Лапы напряжены, в любое мгновение зверь может рвануть вперед, в несколько прыжков настичь человека, а там повалить его на снег помноженной на скорость массой. Полное впечатление: здесь застыл не какой-то там в недавнем прошлом заурядный санитар леса, а подлинный князь волков собственной персоной. Сильный, здоровый, лобастый...

Воронов краем глаза покосился в сторону, нет ли где собратьев серого, но поляна и кусок тайги в просветах между деревьями были пусты. Может, чуть дальше, это же не поле, обзор предельно ограничен. По идее, где-нибудь не слишком далеко должны иметься. Зимой волки охотятся стаями, одиночке выжить едва ли возможно, а ведь других времен года уже не бывает.

Прыгнет, нет? Страх человек не испытывал. Он вообще не боялся зверей. Так легче – животные весьма чувствительны, поймут, тогда сразу кранты. Нет, осторожность быть должна, куда без нее, но именно осторожность, не больше. Интересно, а серый боится? Не похоже. Явно тоже осторожничает, пытается оценить, кто перед ним, добыча или более сильный хищник? Чуть обнажились клыки, а следом послышалось негромкое рычание.

Неожиданно Воронову стало весело. Его что, хотят на голый понт взять? Тогда посмотрим, кто кого. Человек старательно зарычал в ответ. Он не полагался лишь на имитацию звуков. Рука сама легла на рукоять автомата, благо старый добрый «АКМ» семь шестьдесят два не мелкашечный пять сорок пять, такие пули прошьют серого хищника за милую душу. Может, карабин был бы лучше, только есть ведь разница: сделать один выстрел, больше скорее всего не успеть, или сразу выдать очередь. Тут одно останавливающее действие будет таким, что последний прыжок не состоится.

Ветер как раз сделал паузу, перестал шуметь, и в наступившей тишине громко и отчетливо шелкнул предохранитель. Осталось одним движением вскинуть «калаш», и судьба волчьего князя решится в мгновение. Стрельба отработана, превратилась в рутину, столько пришлось выпустить свинца и по четверногим хищникам, и по двуногим, о промахе даже речи не идет.

И все-таки Воронов медлил. Не лежала у него душа вот так просто, лишь из-за встречи, убивать красивого грозной красой зверя. Был бы какой лось, хоть мясо, а тут из-за шкуры... Вон глаза какие умные, волчий князь явно все понимает, а что одновременно пытается напугать – мир таков, ты или тебя. Он же не виноват, что природа создала хищником, а люди устроили вечную зиму с ее неизбежным голодом. Наверное, на заре времен точно так же стояли друг напротив друга двое, только у человека было в руках простое копьё, но хищник в итоге уступил, из вольного зверя превратился в собаку. Хотя нет. Собакой стал волк попроще, не настолько матерый. Этот сам привык быть вожаком.

– Ау! Товарищ капитан! Вы где?

Далекие крики нарушили равновесие. Еще бы для полного контраста волчий вой, но с противоположной стороны лес пока безмолвствовал.

– Что стоишь? Иди, – произнес Воронов. – Сейчас сюда заявятся... Пошел!

Волк повел ушами, потом медленно повернулся и потрусил прочь. Один раз он обернулся, посмотрел на неподвижно стоявшего человека, а затем обогнул ельник и скрылся с глаз.

Воронов улыбнулся, аккуратно поставил автомат на предохранитель и тоже пошел туда, откуда только что пришел. По собственной лыжне и заблудиться?

Смешно...

Часть первая

Четыре дня после Катастрофы

Тайга горела. Серый дым под углом поднимался к серым небесам, не давал увидеть весь масштаб зловещей картины. Судя по всему, огонь охватил огромное пространство. Две недели засухи создали прекрасные предпосылки, а что послужило конкретной причиной, какой-нибудь неумело разведенный костер, падение ли самолета, то самое, набившее оскомину в училище световое излучение, было не столь важным. Следствие намного важнее, да и толку искать виноватого, когда полыхает весь мир?

Если чуть раньше имелаась небольшая надежда каким-то образом миновать зону пожара, то теперь она развеялась. Тайга подходила к дороге вплотную, сразу с двух сторон, а есть ли техника, способная на протяжении километров буквально идти сквозь огонь? Даже по осевой – и то по сторонам останется в лучшем случае по паре метров, здесь же не магистраль, а добавить к тому падающие деревья...

Сюда бы хороший ливень – в другое время. А сейчас кто знает, какая дрянь обрушится на обугленную землю вместе с потоками воды?

– Н-да... – протянул Воронов и полез за зажигалкой. Словно ему мало было огня и дыма, и он решил добавить посильную лепту в картину первозданной стихии.

Хотя пованивало горелым так, что вкус табачного дыма ощутить было трудновато. Все забивала гарь от пожарища.

– Мать ее через тридцать три колена! – выдохнул Букретов и тоже извлек сигарету. – Это ж как полыхает! Вот влипли! Интересно, низовой или верховой? Как думаешь, Воронов?

– Хрен его знает, товарищ подполковник, – отозвался капитан. – По мне, при такой площади без особой разницы. Главное, ветер дует не нам в лоб. Иначе кранты.

Меж тем стали подтягиваться бойцы. Новости распространяются быстро, даже при молчащих радиостанциях, и каждому хотелось лично взглянуть на причину задержки колонны, оценить масштаб пожара.

– Куда?! – рявкнул подполковник.

Распустишь солдатиков и можешь смело ставить крест на подразделении. Тем более в нынешних непростых условиях. Только дисциплина, раз даже призвать толком не к чему.

Бойцы невольно попятнулись, стараясь уйти от грозного начальства. По большому счету они вполне могли бы послать командира куда подальше, самому тупому было ясно: государство, в привычном понимании, не то рухнуло, не то рушится, соответственно даже за дезертирство спросить будет некому, но, с другой стороны, вместе было как-то спокойнее. Ведь не может товарищ подполковник не найти выход из гигантской задницы! Иногда даже самый завзятый индивидуалист стремится находиться в компании, пусть за подобное нахождение приходится расплачиваться свободой поступков. Но ведь порою так хочется чуда!

– Всем держаться у машин. Наблюдать за воздухом. Мало ли!.. Зампотеха ко мне! – продолжал распоряжаться Букретов.

Зампотех Тренько на марше находился в последней машине – на случай каких-нибудь поломок, дабы суметь принять меры. Если их вообще можно будет принять. По-хорошему, тут бы ремроту, когда-то таковые имелись в былых полках, или хоть сводный взвод из нее. Тоже продукт дурацкой реформы – отдать содержание и ремонт военной техники гражданским фирмам, и вот война, и где искать те фирмы? Чем с ними расплачиваться – вопрос вообще интересный.

В ожидании зампотеха, колонна перед тем совершала марш с положенными интервалами и растянулась порядком, подполковник извлек карту, постелил ее на лобовой лист БМП, кивком головы подозвал Воронова.

– Мы примерно вот здесь. Значит, придется возвращаться километров на десять, потом сворачивать направо, а итогом – чуть не сотня лишних километров. И стрелки компасов вернутся во все стороны. Так даже направление не определишь.

Тайга, дорог мало, а напрямик при большом желании не проедешь.

– А если там то же самое? Ветер в ту сторону, если огонь еще не дошел, то дойдет, пока мы будем огибать да объезжать, – возразил капитан.

Пока рассуждения начальника не стали приказом, можно поискать в них слабые пункты.

– Может быть, и так, – согласился Букретов. – Но влево объезд еще дальше. Смотри. Одна развилка, тут вторая, потом еще третья... Тоже никакой гарантии, что дорога чиста.

– Но направо вообще едва не в Амур упремся. Боевая техника ладно, а транспорт? На чем его переправим, если придется?

– Товарищ подполковник... – Тренько явно собрался доложить по всей форме, однако Букретов лишь отмахнулся. Техник поневоле ближайший к командиру человек, упустит чего, не сделает, и самые хитроумные планы накроются медным тазом. Даже зампотыл менее важен – когда речь идет о небольшом отряде достаточно и нормального старшины.

– Зришь?

– Пожар, товарищ подполковник.

– Точно, пожар. Как думаешь, пройти реально? Объезд получается большим. Время потеряем.

– Пройти? – повторил Тренько и скептически посмотрел на открывающуюся впереди картину. – Как-то оно не того, товарищ подполковник.

– Разрешите проверить? – неожиданно для себя вызвался Воронов. – Возьму одну машину и попробую. Если не получится, вернусь.

Он все равно не находил себе места последние дни и был готов идти в огонь, только бы избавиться от нелегких мыслей. Да и что тут долго решать? Сколько времени уже потеряно!

Букретов оценивающе посмотрел на офицера. Они были практически ровесниками, только Воронов ушел из армии и потому остался капитаном, а Букретов продолжал служить и вырос в чинах. Зато оба успели получить несколько иное воспитание, чем те, кто пришел им на смену.

– Какое вперед? – возмутился подошедший начштаба Едранцев. Но словно не всерьез, больше для проформы. Майор был молод, из явных карьеристов, только какая сейчас карьера?

– Хорошо. Только людей не бери, – Букретов не обратил внимания на реплику начштаба. – Возьми одного механа, и хватит. Лучше всего – Вострикова, он самый умелый. Контрактник все-таки, не эти, что едва водить умеют. Стрелять там все равно не в кого, больше солдатиков не требуется. И постоянно будь на связи. Только на рожон не лезь. Не получится – сразу поворачивай.

Подразумевалось – ни к чему рисковать жизнями бойцов, да и собственной – тоже.

– Слушаюсь!

Спустя минуту БМП взревела мотором, выбросила клуб дыма и плавно покатила с сопки вниз. Водитель сел по-походному с открытым люком, Воронов слева от башни на месте командира вообще лишь свесил ноги внутрь. Под броней безопаснее, зато снаружи лучше обзор. Прежде подумалось – не надеть ли противогазы, очень уж густым казался дым, но только долго ли выдержишь в них в нынешней жаре? Как-нибудь обойдется.

Дым не только устремлялся к небу, он еще стлался по земле, пытался выглядеть туманом. Никакой четкой границы, разумеется, не было, просто из застывших в беспорядке лес-

ных великанов вылезали серо-черные языки, старались закрыть дорогу, да еще забивали нос непереносимой гарью.

Бээмпэшка двигалась медленно. Это уже в случае удачи всем остальным предстоит проскочить весь участок на максимальной скорости.

– Я первый. Ворон, как там у вас?

– Я – Ворон. Пока нормально. Только воняет до невозможности. Но дышать пока можно.

Местами кроны деревьев практически смыкались над узкой дорогой, образуя своего рода шатер, и еще благо, что огня пока видно не было. Может, подальше уже выгорело все, и всех дел – проскочить небольшой участок? В крайнем случае, поджечь бронированную машину не так просто, лишь бы не упереться в стену огня. И постоянно помнить: в колонне помимо БМП имеются обычные бортовики и даже несколько цистерн, которым близкое соседство с пожаром не сулит ничего хорошего. Боеприпасы, продукты, небольшой запас оружия, формы, кое-что из запчастей к БМП. По нынешним временам все приходится тащить с собой, ибо достать что-либо явно будет негде. Вряд ли в нужный момент прилетит фирмач на голубом вертолете и предложит нужное, да еще бесплатно. А склады... Да есть ли они, а если есть, как до них добраться?

И поражало полное безлюдье. Звери ладно, они давно должны были уноситься со всех ног от пожара, однако за несколько часов движения – никаких следов человека. Край заселен негусто, только, если верить карте, где-то чуть дальше должен быть поворот с дороги в сторону какой-то деревни, и через километра полтора – сам населенный пункт. С ним-то что? Вряд ли кто тратил бомбу на небольшое село. Кому оно надо?

Разумеется, нетрудно предположить, что жители находятся в своих домах, только разве может что-то уцелеть при таком-то пожаре? Или сельчане пытаются самоотверженно огранить малую родину каким-нибудь рвом, просекой, чем-то таким, что не даст огню перекинуться с природных объектов на искусственные? Уж трактора-то в деревне имеются, требуется лишь проборонить соответствующие полосы да затем наблюдать за коварным пламенем. Раз речи быть не может о правильном тушении. И все равно, хоть кто-то должен был попытаться вырваться, а дорога пуста.

В стороне между деревьями мелькнули языки огня. Небольшие, да только много ли надо при обилии пищи? Минуты – и может полыхнуть так, что все в момент скроется за сплошной стеной.

В сознание вдруг проникла картинка: двигатель БМП глохнет, и два человека вынуждены возвращаться пешком. Только фантазия фантазией, страха Воронов не ощутил. С чего бы машине встать? Мотор проверен, топливо имеется, каким бы ни был пожар, весь кислород он не выест. Хотя дышать трудновато, да и глаза потихоньку начинает щипать. Может, пора укрыться под броней? Но много ли увидишь сквозь оптику? Единица – не двойка. Угораздило же конструкторов поместить командира позади механика! А в итоге – башенка загораживает изрядный угол обзора справа и сзади.

Или перебраться туда? Особой разницы нет, а смотреть удобнее.

– Товарищ капитан! Сверху! – показать рукой Востриков не мог, приходилось сообщать все по внутренней связи.

Впереди в кроне и впрямь занялся огонь. Проворно перебежал по веткам на другую сторону, решив порезвиться и там, конечно, не весь: часть осталась на прежнем месте, а часть начала расплзаться в стороны.

– Что встал? Вперед!

– Но, товарищ капитан...

– Вперед! Тут где-то должен быть поворот направо. Там деревня. Не бойся. Выскочить успеем. Мы же в броне, – но сам был отнюдь не уверен. Просто стыдно поворачивать назад, едва увидев лепестки огня. Даже не огня – огонька. Раз уж вызвался, надо разведать до того

места, где путь точно будет перегорожен. А лучше – где пожар останется позади. Горит уже давно, а сколько надо лесу, чтобы выгореть? Тут только и требуется – участок вдоль дороги, до самой тайги дела нет.

Дым становился все гуще. Поневоле подумалось о противогазе, только поможет ли он? С другой стороны, не химия, обычное дерево, особо вредного ничего быть не должно.

А вот и поворот. Там вообще дым напоминал туман, однако Воронов заметил в серой мути застывший автомобиль. Старенький «жигуленок», какие частенько встречаются в глубинке. Только модель определить было трудно, видимость не та.

С чего бы машине стоять на лесной дороге? Тут, наоборот, надо спасаться на полной скорости, уходить прочь от пожара, пока еще не стало поздно. Может, что-то случилось, и люди в беде? Но не могли же они бросить автомобиль, а сами отправиться пешком! Если уж на то пошло – куда бежать? И вообще, до деревни километра полтора, тут или туда, или сюда, на такие расстояния деревенские жители ходят пешком – если до пожара.

– Подожди здесь. Я только проверю, – гонять БМП Воронову не хотелось. Дорога к деревне была вообще узкой, деревья порою упирались в нее так, что даже небольшая боевая машина могла оказаться длинной, и повернуть будет не очень легко.

Хлопнул себя по многочисленным карманам. Индивидуальный пакет, еще кое-какие медицинские мелочи, все остальное – боеприпасы, хотя в кого здесь-то стрелять? И тем не менее автомат Воронов с собой прихватил. Раз время военное, то военным без оружия быть нельзя.

Страшновато было немного, чего уж там, пожар надвигался как раз справа, да выбора не было. Не пойдешь – а потом будешь корить себя всю оставшуюся жизнь. Уже на середине пути увидел впереди огонь. Даже жарко сразу стало под камуфляжем. А вот и машина. Пустая.

Дернул дверцу. Не заперта. На заднем сиденье виднелась здоровая дорожная сумка. Но сумка ладно, в замке обнаружился оставленный там ключ зажигания. И нигде никаких следов людей. А вокруг уже потрескивало, и то тут, то там появлялись языки пламени.

Повинуясь безотчетному порыву, Воронов сел в автомобиль, попробовал завести. Стартер потарахтел и умолк. Еще одна попытка – с тем же результатом. Что случилось с мотором, разбираться не было времени. Ясным стало главное: кто-то явно попытался вырваться из зоны пожара, только техника подвела, и беглецам осталось уповать на удачу и быстроту ног. Куда они побежали, назад ли в окруженную огнем деревню или подальше от нее, главное – остаться рядом с машиной они не стали. Деревня давала хоть какой-то шанс, а далеко ли убежишь по дороге, когда до любого водоема километры...

Вот уж не знаешь, где безопаснее!

Вроде все заняло минуты, а огонь уже всю веселился вокруг. В дыму видимость ограничилась парой десятков метров, небольшой кусочек дороги в одной стороне, еще меньший – в другой. Одиноким человечек посреди пылающего мира... Невольно представилось – а какой ад увидели вокруг себя люди в городе, уцелевшие после первого страшного удара? Тут-то виновата природа, там...

И вдруг стало страшно. Пожар, одиночество, останься один, например, не выдержи Востриков, и конец. Пешком не выбраться ни в коем случае. Вокруг трещало, гудело, дым ел глаза, от жара начинала побаливать голова, захотелось рвануть со всех ног к развилке, пока механ еще ждет. Воронов очнулся от оцепенения и едва нашел в себе силы не бежать, а идти, правда, шагом, больше напоминающим бег. Не к лицу офицеру нестись сломя голову. Есть же понятия о чести мундира, да и пока ситуация не настолько плоха. Тут идти от силы минуту... Только ветер, кажется, усилился, помогая огню быстрее отвоевывать пространство.

Словно отвергая логические построения, целый ворох горящих листьев спланировал на дорогу. Воронов едва успел отскочить, увернуться от них, зато еще немного, и впереди сквозь

дым показалась бээмпэшка. Уже развернутая в сторону отряда. Востриков застыл в люке, напряженно вглядываясь, не идет ли командир?

– Гони! Никого там нет. Мотор заглох, а куда люди побежали...

Прыгнул, нырнул внутрь и решительно захлопнул люк. Вроде недавно проделанный путь теперь превратился в пламенный, и торчать снаружи не стоило. Сверху уже планировали горящие листья и сучья, этакий обжигающий дождь.

Хотя какой путь? Натуральный огненный коридор. Ищи теперь объезд, да найдется ли он? Одно утешение – где-то тайга уже явно выгорела, а по гари среди пеньков проезд уже возможен. В отличие от объятого пожаром леса.

Тринадцать лет после Катастрофы. Лето

Трое путников появились ближе к вечеру, когда до условного заката осталось не так много времени. Условного – раз все равно никто не видел солнца и лишь в уме представлял его путь где-то выше затянутого вечными тучами неба. Да и то лишь те, кто помнили: светил раньше наверху огненно-слепящий шар. Три точки на бескрайней заснеженной равнине, открывающейся отсюда, с расположенного на вершине блокпоста.

Почему сооружение на склоне чуть пониже верхней точки называли блокпостом, сказать было трудно. Как-то так повелось – блокпост и блокпост. Прочие чаще назывались точками. В действительности там еще до Катастрофы стоял дом. Деревянный, как большинство жилых строений в данной местности, однако на солидном бетонном основании, с огромным подвалом, где помимо прочего имелась даже сауна. У богатых свои причуды, а владельцем являлся человек состоятельный не только по здешним меркам. А уж какой отсюда открывался в те годы пейзаж! Тут тебе и кусок поля, и тайга, и река – одна из крупнейших. Любуйся – не хочу! Только жил владелец в доме от силы недели три в году в сезоны охоты или рыбной ловли, а прочее время трудился даже не в столице края – в столице всей страны. Там и сгинул без следа. Во всяком случае, о судьбе его никто не знал, а, если честно, и знать не хотел. Практически все потеряли связь с родными, так какое тогда дело до абсолютно чужого человека?

Домом какое-то время никто не пользовался. Даже беженцы, разными судьбами попавшие сюда, предпочитали жить в тесноте, но не на отшибе, а уж когда пришлось зарываться поглубже, то смысл в стенах вообще стал пропадать. Да вот пришлось выставлять посты, а уж лучшего места было в округе не сыскать. Дальше сыграл роль простейший расчет. Дом разобрали, бревна уложили накатами поверх бетонного подвала, превратив последний в весьма мощное оборонительное сооружение, полы и деревянный забор пустили на дрова, каменные столбики свалили, чтобы не демаскировали укрепление, а в завершение долго рыли пусть не совсем подземный, скорее, крытый ход сообщения – зачем же идти по открытому месту?

Результат стоил затраченных усилий. Блокпост столько раз принимал бой против зарвавшихся заезжих банд и против стай мутировавших волков, пытавшихся прорваться в людское поселение, что и не сосчитаешь. Теперь тут располагалась стандартная дежурная смена – три человека, следивших за подступами со стороны реки и, сколько можно, берега в сторону далекого города. Натуральное хозяйство требовало крепких рук, поддержка определенного образа жизни отнимала практически все время, однако о безопасности забывать отнюдь не стоило. В какой-то степени дежурство было отдыхом, хотя бы не приходилось возиться с подземными оранжереями, расширением поселения, заготовкой дров, всевозможными работами на построенной едва не с нуля небольшой геотермальной электростанции или ее собратях – электростанциях ветряных, и многим другим. Сиди себе да пялься в сторону далекого, открытого здесь горизонта. Ну, не до самого горизонта, до леса, но это тоже без малого три километра. Правда, местность не идеально ровная, такой здесь вообще не бывает, но сопки с данной стороны невысоки, ложбины неглубоки, если путники будут исчезать порою из поля зрения, то ненадолго.

– Кажись, к нам гости, – первым заметил путников Игорек.

Был он самым молодым из дежурных, в год Катастрофы – совсем мальчишка, это теперь вымахал к восемнадцати годам. Глазастый, такому и не заметить?

– Где? – остальные двое подскочили к амбразурам, даже подняли заслонки из прозрачного пластика, отчего внутри сразу ворвался обжигающий холод.

Пришлось торопливо поднять воротники, ладно еще по летнему времени температура держалась более-менее – разве что ночами термометр падал ниже десяти градусов. А так днем – пять-шесть, ну, ладно, восемь.

Олег на правах старшего смены уже подкручивал бинокль. Вещь ценная, просто так в чужие руки не дашь. Вдруг уронят, побьют, и где тогда взять новый на замену?

– Не шибко идут, хотя и на лыжах, – подал голос Игорь.

– А ты хочешь! – хмыкнул Олег. – Ясен пень – издалека. Тут кто угодно притомится. Только интересно – они специально сюда топают или случайно на нас вышли?

Внятного ответа вопрос иметь не мог, и начальник поста прекрасно знал об этом. Однако спросил, лишь бы не молчать.

– Скоро узнаем, – пробормотал Игорь. – А может, снимем их к чертовой матери, и вся недолга? Кто тут будет с добром шастать? Нормальные люди хозяйством занимаются, а не по свету странствуют. Раз свету все едино нема.

И хоть расстояние было велико, потянулся за охотничьим карабином.

– Отставить! – командным тоном произнес Олег.

В сравнении с прочими дежурными он казался немислимо старым. С короткими совершенно седыми волосами, шея морщинистая, как и лоб, седые же усы свисают кончиками вниз. И то сказать – срочную Олег отслужил еще в ином государстве, когда армия была армией, а страна – страной. Вроде должно было забыться за давностью лет, однако произошло обратное, и в крепком еще старике порою просыпался сержант Советской армии.

Игорь разочарованно принялся вертеть оружие в руках. Карабин был отнюдь не нов, новому неоткуда было взяться в лишенном промышленности мире, зато аккуратно ухожен, пристрелян и весьма опасен для любого врага, не столь важно – двуногого или четвероногого.

Олег вздохнул. Конечно, совсем уж убирать оружие не стоило. Времена смутные, лихие, да только нельзя стрелять в людей по одному лишь подозрению. Тем более трое – не сто и даже не десять. Снег сегодня не валил, видимость вполне приличная, а больше никто в поле зрения не объявлялся.

Давненько сюда никто из людей не забредал. Весь этот год – точно. А когда перед тем, разве упомнишь? Одни волки то и дело маячили последние месяцы, изредка пытались пройти, затем каким-то образом стали останавливаться на рубеже открытия огня. Наблюдали, словно заимели разум.

На самый скверный случай имелся пулемет. Переделанный в пехотный ПКТ, снятый с одной из сломавшихся бээмпэшек. Весьма удобно: хочешь – с самодельного станка стреляй, возникнет нужда – пользуйся сошками. Патронов негусто, да на пару хороших боев еще, может, хватит. Зато более толстый ствол не так перегревается, позволяет вести огонь достаточно долго.

– Максик, позвони в штаб. Доложи на всякий случай. Трое, вроде бы имеется оружие, пока толком не разобрать, но что-то вроде охотничьего. Ружья или карабины. Больше никого пока не видно.

– Слушаюсь! – Порою сержантское нутро просыпалось в полную силу, и тогда Олег гонял нынешних помощников не меньше, чем в далекие и теперь кажущиеся счастливыми времена – молодых солдат. Но раз уж война не закончилась, порядки тоже должны быть армейскими.

Между тем трое путников потихоньку приближались. Шли они действительно тяжело. Умаялись в дальней дороге. Не позавидуешь людям – если идут наугад, то даже понятия не имеют: удастся ли заночевать под подобием крыши или придется прямо в снегу? А в округе, между прочим, порою хищники попадаются. Не старые времена, теперь всяким тварям раздолье, и человек уже перестал исполнять роль самого страшного зверя. В глазах других животных, разумеется, себе подобным он еще вполне мог устроить пакость, на которую не способны другие звери.

– Что говорят? – Максим успел переговорить по наведенной с главным поселением проводной связи.

– Говорят, пришлют нам кого-нибудь. Пока же – следить, если в самом деле идут лишь трое, разрешается перехватить их на подступах и разведать, кто и откуда.

– Лады.

Заметить со стороны блокпост было очень и очень трудно. Маскировали его при строительстве, а потом на помощь пришла природа и так засыпала снегом, попробуй отличи один снежный холм от другого. И не только блокпост. Сугробы хранили много тайн. Как иначе, раз таяния не было уже много лет? Нынешние дети иного пейзажа уже не представляли. Зато подальше с какой-нибудь сопки сразу бросались в глаза ветряки, и само существование поселения поэтому для путников тайной быть не могло.

Помолчали, наблюдая за медленным приближением гостей. Олег почти не отрывал глаз от бинокля, старательно высматривая окрестности.

– Кажется, никого. А ну-ка взгляни! У тебя глаза помоложе, – Олег передал бинокль Игорю.

Тот тоже долго взирал сквозь оптику и в конце концов со вздохом произнес:

– Я тоже не вижу. Может, разведка?

– А может – путешественники. Свой дом потеряли, теперь ищут, где лучше приткнуться. Мало ли? Скоро узнаем. Хрена тут гадать?

Одна из фигур вдруг едва не упала, лишь в последний момент кое-как выпрямилась, но тут же нагнулась, осматривая что-то внизу.

– На пенек нарвался, – довольно хмыкнул Игорь. – Наверняка лыжу сломал, а то и ногу подвернул.

– Ты-то чего радуешься? – напустился Олег. – Сам бы оказался в таком положении!

Пеньков под снегом хватало. Собственно, раньше на месте поля был лес, но его вырубili еще в начале Зимы. Одно действие – и два убитых зайца. И дров запас, которые тащить пришлось не слишком далеко, и место стало открытым, незамеченным не подберешься. Разве что ночью, только ночами ходить по открытому месту опасаются самые отъявленные сорвиголовы.

– А я че?

На поле явно произошло по сказанному. Чужаки сгрудились вокруг оступившегося, один нагнулся, потом наступило время разговоров. Упреки ли, сожаления – до блокпоста слова долететь не могли. Прошло, наверное, минут десять, когда путники возобновили движение. Двое, как прежде, скользили по насту, зато третий теперь ковылял пешком, то и дело проваливаясь выше колена, наверняка матеря климат, Катастрофу, собственную невезучесть...

Предупреждающе брякнул колокольчик у двери. К безопасности в поселении относились серьезно, открытыми проходы не оставляли. Бывали печальные прецеденты, а по наступившим временам риск давно утратил надуманное былое благородство.

– Открой, Игорек. Наверняка наши. Только проверь на всякий случай.

Игорь хмыкнул, мол, нашел что напоминать! Тут мальчишки не откроют двери по первому сигналу, а уж люди взрослые, к которым относил себя молодой по прежним временам парень...

– Ну, что тут у вас?

Между прочим, заявился не кто-нибудь, а Воронов. Ну и с ним сразу четверо бойцов, словно трое чужаков представляли настолько грозную опасность. Не то Воронов был где-то неподалеку, от главного бункера до блокпоста было далеко, не то группа вопреки всему шла на лыжах поверху. Пешком ходами не успеть...

– Группа неизвестных. Двигутся по направлению к нам, судя по всему, пройдут немного в стороне от блокпоста, – доложил Олег. – Да, там один из них лыжу сломал. Вон, хромает.

Воронов извлек бинокль, свой, не тот, который постоянно находился в числе прочего нужного имущества в укреплении, посмотрел в сторону путников.

– Мы понаблюдали за окрестностями. Никого больше не обнаружили, – дополнил между тем доклад Олег.

– Угу, – процедил офицер. О его военном прошлом не напоминало ничего. Обычный полушубок, валенки, да и смысл носить сейчас форму, даже если бы она перенесла прошедшие годы?

– В общем, так, орлы. Прикроете, если что. За старшего – Сухомятин. Пойду узнаю, что это за гости. Гаричев – со мной. Обойдем их с фланга. Нечего показывать, где у нас что расположено.

В отличие от большинства жителей, имевших всевозможные охотничьи ружья и карабины, Воронов был при автомате. Магазины связаны, поверх верхней одежды – разгрузка, даже гранаты имеются, словно речь шла о возможном длительном бое. Но уж тут лучше переборщить. Впрочем, Гаричев, бывший сержант-контрактник, тоже был с «калашниковым» из все тех же запасов, которые привезли сюда вояки. Жаль, запасы оказались невелики – упор больше делался на боеприпасы, чем на само оружие. Думали – если понадобится, можно будет совершить еще одну ходку, но не получилось.

– Что встали? – Сухомятин, тот самый Олег, потянулся за стоявшим пока в стороне пулеметом. – Давай его на станок! И ленту сразу!

Проверил сектор обзора и легко ли ходит ПКТ, затем открыл коробку, протянул ленту, взвел. Еще раз проверил, удастся ли уложить гостей одной очередью? Вышло – удастся.

Тем временем Воронов с напарником успели обогнуть сопку и теперь спускались по склону почти у берега. Их немедленно заметили, остановились. Привлекать к себе внимание путники не стали, без того ясно – двое двигаются в их сторону неспроста, однако за оружием пока тоже не тянулись. Может, надеялись на собственную ловкость, может, искренне хотели разрешить дело миром. На чужой территории втроем много не навоюешь.

Знали ли они, что находятся под прицелом? По идее, блокпост был замаскирован хорошо. Но ведь некоторые люди чувствуют опасность!

Там, перед амбразурами, в какой-то сотне с небольшим метров от начала склона, Воронов с разгона подскочил к путникам и резко затормозил в десятке шагов. Лыжи у него были не самодельными, прекрасно ухоженными. Вон, на что Гаричев ловок, повторить маневр командира так лихо не сумел.

– Кто такие? – офицер присмотрелся к путникам.

Все трое молоды, старшему еще далеко до тридцати, остальным и того меньше. Одежда помятая, неновая, нестираная. Идут издали – да и откуда еще? Вокруг не осталось ни одного значимого поселения. Уже месяца три как нет. «Скитальцы» были последними, а теперь разве что под городом кто-то живет, да в противоположном краю, но там уж совсем далеко, за сотню километров.

Лица усталые, один точно лыжу сломал.

– А вы кто? – спросил один из «младшеньких» с черными глубокими глазами.

Старший по возрасту, довольно широкоплечий, но несколько несуразный из-за сравнительно коротких ног, невзначай коснулся закинутаго за спину охотничьего карабина.

Воронов чуть качнул головой в ответ и демонстративно расположил руку на рукояти «калаша». Одно движение – и автомат уставится на путешественников, а в следующее мгновение уже выплюнет свинцовую смерть.

– Седой, – предупреждая обронил черноглазый и кинул мимо летный взгляд на напарника.

– Мы – местные хозяева. Устраивает? Потому имеем полное право задавать любые вопросы, – Воронов на конфликт не шел. Лишь показал готовность покарать любого, объявившего себя врагом. Начинать встречу со стрельбы – дело последнее. – Кто вы?

– Путники, – ответил все тот же черноглазый.

А глаза у него какие-то странные. Такие в пору иметь бы гипнотизеру.

– Так плутайте дальше, – Воронов кивнул в сторону. – У нас или называют себя, или идут стороной. Не старые времена.

– Я – Борис, можно просто Бор, это – Сергей, мы его Седым зовем, и еще Мишка.

– А дальше? – сами по себе имена не говорили ровным счетом ничего. Точно так же не сказали бы ничего фамилии, да и не о прозвищах велась речь.

Пришлось объясняться прямо посреди поля под прицелом стражи из блокпоста. Впрочем, о последнем факторе парни не догадывались.

Объяснялись гости довольно косноязычно. Новое поколение, образования никакого, словарный запас небольшой. Да и не привыкли они к пространственным пояснениям. Потому рассказ имел массу лакун, но основное было понятно. Оказалось, они пришли откуда-то с севера, с противоположного берега реки. Положение у них сложилось аховое, хищники непрерывно нападали на поселение, а тут еще банды, и на общем сходе жители решили отправить разведывательный отряд в далекий Хабаровск. Некогда самый большой город края, вдруг там сохранилась какая-то власть? Перебраться всем вместе под крыло, сколько осталось народа, а так, глядишь, появится возможность возродить цивилизацию. Пусть хотя бы здесь, раз до европейских районов никак не добраться. Лучше же, чем погибать поодиночке. Отобрали самых молодых и здоровых. Некоторые погибли по дороге, но ядро уцелело.

Однако с дороги, похоже, где-то сбились. Компасы показывали в разные стороны, ориентироваться было невозможно, шли во многом наугад. Сама троица представляла собой головной дозор, прочий отряд в данный момент находился примерно в половине дня пути позади. Люди вымотались, пришлось остановиться на большой привал. А вокруг – ни души.

– В Хабаровске вам делать нечего, – вставил Воронов. – По нему как раз пришелся один из ударов. Не город, а пепелище. Никакой власти нет, уцелевшие жители образовали банды, и если что правит – закон сильного. Прежде использовались консервы и прочие запасы, потом кое-что стали выращивать под землей, кому-то удалось покинуть город. Говорят, масса мутаций. Большею частью – вредной, приводящей к летальным исходам, но порою жизнеустойчивой. Оттуда приходили банды, да удавалось отбиться. Что там на данный момент, неизвестно. Может, остатки горожан уже вымерли, может, продолжается бесконечная война между группировками и районами. Но всякие рейды с той стороны прекратились еще пару лет назад. Безлюдье, хищники бродят стаями, не очень доберешься. До того – иногда навевывались, хотелось им брать дань со всех, до кого могут дотянуться. Тут ведь и компас не нужен – двигай по Амуру или по дороге. Кстати, Князе-Волконское тоже было уничтожено, но там вообще полностью. И фонит еще немного до сих пор. Впрочем, где сейчас совсем не фонит?

Он говорил, а сам присматривался к парням. Любой офицер поневоле психолог. Чтобы управлять людьми, их поневоле необходимо понимать – пусть в простейшем приближении. Проще всего оказалось с Михаилом, тем самым юношей, который сломал лыжу. Обычный парнишка, может, немного невезучий, уставший, даже несколько поникший, но пытается держаться, не ударить в грязь лицом. Мужчиной в старом смысле слова еще не стал, но шанс есть.

Зато в Седом, старшем по возрасту из троицы и самом здоровом, судя по развороту плеч, Воронов уловил какую-то червоточину. Что-то подлое промелькнуло во взгляде, не объяснимое словами. Может, разумеется, показалось, мало ли, однако капитан привык доверять интуиции. И уж совсем непонятным был Борис. С виду – вроде бы молод, а вот глаза... Словно прет из них энергия, уж не сказать, хорошая ли, дурная. Но есть в Борисе второй слой, точно есть. Еще бы понять, что там такое? Странное ощущение, будто черноглазый пытается тебе что-то внушить и даже вроде удивлен, что это не получается.

И во всех троих чувствовался не слишком далекий ум. Мягко говоря. Может, Борис был поумнее соратников, зато те... Нет, хитрость в них определенно имелась, практичность – тоже. Иначе вряд ли бы дожили до нынешних дней. Но в основном...

– Наверно, на севере меньше, – отозвался Борис. – Только там вообще жить невозможно – очень уж холодно. Вот если бы на юг податься... Вдруг там до сих пор тепло и даже солнце проглядывает?

– На юге от нас Китай, – напомнил Воронов. – Вряд ли китайцы захотят кого-то принять, даже если после всех жертв там появилась свободная земля. Да и ракетами по нему тоже прошли. Тогда надо стремиться в Африку. Туда точно никто ничего не бросал за полной ненужностью. Или – в Австралию с Латинской Америкой. По тем же причинам. Но – не добраться. По суше не пройти, если выйти каким-нибудь образом к морю и если оно не замерзло, хотя несколько сомневаюсь, да и даже при наличии корабля шансы нулевые. Не сориентироваться. В общем, попробовать можно, толку не будет.

Воронов сам когда-то подумывал о дальнейшей экспедиции. В самом начале – узнать, что уцелело и можно ли восстановить хотя бы некое подобие государства, и потом, на третий год, когда ядерная зима вступила в свои права и снег не растаял даже летом. Тут уже с единственной целью: выжить. То был самый критический год в селении. Посадить что-либо оказалось немислимым. Людям элементарно стала угрожать голодная смерть – в придачу к смертям от болезней, облучения, расплодившихся хищников и озверевших банд. Добытых на нескольких армейских складах запасов могло не хватить до следующей весны. И все-таки жители сумели кое-как справиться с новой напастью. Прежде полуподземные, затем – подземные теплицы, система отопления, подземные же фермы, где разводили свиней и кроликов, постоянный непосильный труд в свободное от схваток с многочисленными бандами время... Хорошо, электроэнергию стали получать, а паек ввели в первые дни после Катастрофы. Вновь бои с многочисленными желающими завладеть плодами труда, объединение с уцелевшими жителями соседнего Малышева – там в жестокой резне погибла немалая часть уцелевшего после радиоактивного дождя населения... В общем, постоянный труд, а как следствие – не преуспевание, но хотя бы сравнительный достаток, возможность выжить в абсолютно нечеловеческих условиях.

– Понятненько... – процедил Борис. Все-таки главным из троицы был явно он. – А здесь как?

– Как везде, – чуть пожал плечами капитан. Гаричев в присутствии командира дисциплинированно помалкивал, лишь с интересом переводил взгляд с одного гостя на другого. Чего не знали путники – при кажущейся расслабленности боец в любое мгновение был готов начать работу.

– Но с чего-то вы живете?

– Выращиваем овощи, мясо. Главное – руки приложить, тогда все получится.

– Послушайте, может, вам охрана нужна? У нас в основном молодежь. Никакая банда к вам тогда не сунется. Надеюсь, полсотни человек вас не объедят?

– Охрана? – Воронов картинно приподнял левую бровь. – Нет, мы как-нибудь сами. Вот умелые рабочие руки – еще куда ни шло. В охране мы не нуждаемся. Кстати, а почему молодежь? Вы же говорили об оставшихся в поселении людях.

– Многие старики умерли, многие погибли. Молодые всегда крепче. У нас и телки есть.

– Коровы, в смысле? – офицер старательно изобразил непонимание.

– Какие коровы? Женщины!

– А я уж подумал – вы с собой стадо гоните. И много?

– Не бойтесь. На ваших не позаримся.

– С чего нам бояться? Мало ли кто ходит иногда мимо? С телками ли, без...

Седой открыл рот, явно стремясь наругать, однако Борис лишь строго взглянул на приятеля, и тот промолчал.

– Но надо же помогать друг другу...

Фраза была настолько далекой от жизни, что Бор не стал развивать ее дальше. Когда ресурсов не хватает на своих и любая мелочь дается трудом, а ее отсутствие может означать смерть для всех, поневоле о чужих не думают.

– Лучше скажите, как добрались? Тут волки в последнее время жутко озоруют. Вокруг ни одного поселения не осталось. Носятся стаями...

– Как-то проскочили, – неуверенно пожал плечами Борис. – Повезло, наверное.

– Тогда – да. Ладно. Все равно не мне решать. Как и не вам. Не выпроваживать же вас на ночь глядя! Пойдемте в деревню. Там начальство, там все объясните. Попробуйте доказать свою необходимость. Если сумеете.

Воронов повернулся и двинулся первым.

– Слушай, как хоть селение называется? – поспевая за ним, спросил Борис.

– Елабуга. Был такой город в России, а здесь так же называлась простая деревня. Говорит о чем-нибудь название?

– Вроде что-то знакомое, – неуверенно улыбнулся Борис.

Откуда ему знать?

Тринадцать лет после Катастрофы. Весна

Тридцать километров на лыжах по тайге – не расстояние. Если умеешь ходить. Ходить вся четверка умела. Прошли времена, когда изнеженные цивилизацией горожане даже на соседнюю улицу ехали в автомобилях, а необходимость перемещаться своим ходом воспринималась едва не как унижение. Прошлые времена приказали долго жить, а вместе с ними люди, не сумевшие вернуться к истокам. Если за исток считать легендарное оледенение.

С ориентацией тоже проблем не было. Места относительно знакомые, карта и компас на подобные расстояния не требуются. Да и не действуют давно компасы. Не сказать, будто идти совсем легко, тайга – не ровное поле. Тут и сопки, и непроходимые чашобы, да прибавить груз на плечах... Так ведь не женщины, а мужчинам жаловаться на походные трудности не пристало. Тридцать километров – не триста.

– Уже скоро, – Воронов повернулся к своим людям. – Чуть больше километра.

Окрестности он запомнил давно, едва не с первых посещений скитальцев. Скитальцев не в силу их любви к перемещениям, напротив, как они здесь обосновались вскоре после Катастрофы, так никуда уходить не собирались, а потому что поселение напоминало разделенный на дома и подсобные хозяйства скит. Воронов назвал как-то в шутку, а неожиданно прижилось. В глаза им такого не говорили, однако между собой...

Перевалить сопку, за ней уже будут видны два ветряка. Сколько бы здешние обитатели ни твердили о кознях дьявола, о проклятиях и необходимости праведной жизни, при вечном отсутствии солнца совсем без электричества обойтись невозможно. Не желают растения давать урожай в теплицах без света. Одной охотой не проживешь.

Легче бы зайти к поселению со стороны Амура, там имеется широкая просека, просто капитан шел короткой дорогой, срезая изгиб великой реки.

Вот и верхушки ветростанций. Медленно кружатся в согласии с зефирами и бореями. Скоро почти по центру между ними объявится деревянная церквушка со староверским крестом. Деревянная ограда, чем-то напоминающая небольшую крепостную стену, внутри нее – жилища, теплицы, овины...

Еще один очаг человечества среди обезлюдивших земель.

Что-то показалось странным. Дед Володя, самый старший среди разведчиков, уже за шестьдесят, не успел осознать толком, что именно, однако сразу вскинул руку, повернулся и тихо произнес:

– Осторожно.

Три пары глаз с безмолвным вопросом смотрели на охотника. Потому его и взяли в поход, что равного в тайге старику не было.

– Не пойму, – честно признался тот. Потом дошло. – Тихо. Собаки не лают. Уже учуять должны. И дыма нет. Ветер от нас, но он же вверх поднимается. Не могут же скитальцы не топить!

Мороз по нынешним временам стоял не слишком страшный, градусов пятнадцать, путники даже взмокли, так ведь одно дело – мчаться на лыжах, и другое – сидеть дома. Поневоле необходимо поддерживать температуру повыше нулевой.

Таясь, присмотрелись внимательнее. Ни дымка, ни какого-нибудь движения. Словно живые покинули поселок, отправились на поиски лучшей доли. Да не верилось в подобный вариант. Насиженные места не покидаются.

Значит...

О нехороших возможностях думать не хотелось. Только думай не думай, лучше не станет.

– Гаричев, прикрой, – принял на себя команду Воронов. – Димка, пойдешь со мной. Только осторожнее. Смотри в оба.

Димка был молод, едва миновал восемнадцатый год, однако уже считался весьма опытным охотником. Так кто натаскивал его-то?

Сержант деловито выбрал позицию для себя и деда, кивнул. Порядок. Словно Володя сам бы не смог найти местечко получше.

Воронов оставил лыжи, взвел затвор автомата. Магазины связаны для скорости перезарядки, только стреляй. Не слишком сподручно в рукавицах, пусть даже указательный палец имеется, но голые ладони задубеют в момент. Если вообще не примерзнут к железу. Димка осмотрел карабин, передвинул поудобнее патронташ.

Снега за долгие годы навалило столько, – если бы внизу не слежался, можно было бы провалиться выше головы. Даже сейчас порою приходилось брести по колено, и еще хорошо, что вещи остались с группой прикрытия. Хотя в последние годы валило реже. По логике, круговорот воды в природе, только где найти открытую воду?

Вблизи стало ясно – впечатление не обманывало. От поселка веяло безлюдьем и какой-то трагедией. Вся жизнь добрый десяток лет состоит из сплошных трагедий да тяжелого труда между ними.

Они не сразу заметили – креста на церквушке не было. Представить, будто живые скитальцы допустили подобное святотатство, казалось немислимым. В эти места еще в первое лето перебрались люди, крепкие в старой вере. Те, кто считал случившуюся Катастрофу карой Господней. Построили здесь деревушку, много молились, усердно трудились, в посты превращались едва не в скелеты и тем не менее рожали много детей. Увы, в массе своей, как следовало ожидать, больных, умирающих в первый год. Но из сотни душ в поселении половина была детскими. В отличие от более благополучной Елабуги, где ребятишек было мало.

В первое время скитальцы отвергали любую постороннюю помощь, словно предлагалась она не бывшими соотечественниками, а слугами дьявола. Лишь с наступлением постоянной зимы согласились принять в дар пару электрогенераторов, дали построить у себя ветряки. Деваться-то некуда, весьма часто чудеса Бог творит через конкретных знающих людей. А вот карает порою сам – через многочисленные болезни, коих стало столько, десятка медицинских институтов не хватит. Сколько раз жители одного или другого уцелевшего поселения вымирали от очередной хвори, не перечить.

Тут на болезнь не походило. Крест от микробов не падает. И от последствий лучевой болезни тоже. Люди верующие, твердые, укрепить символ обязаны были так, что никакой ураган не страшен. Тогда выходит, результат вызван некими гостями. Желających пожировать на дармовщинку в ближайших окрестностях поубавилось, суровый климат и нормальные жители сильно проредили их ряды, да ведь имеется еще Хабаровск.

Тишина. Трагедия произошла давно, снег укрыл следы, и даже звери ушли отсюда, насытив утробы. Никто не устраивает засады на всякий случай. Очень уж долго приходится ждать на нынешнем безлюдье. Просто осторожность давно стала привычкой, и двое разведчиков шли в напряжении, будто только и ждали выстрела ли, арбалетной стрелы... Многие перешли на оружие иных веков по мере исчезновения патронов.

Можно перескочить через забор, да зачем, когда поблизости есть калитка? Основные ворота с противоположной стороны, идти до них вкруговую далековато.

Общий двор. Как предполагалось, все здесь скрывал снег. Обычно жители постоянно расчищали дорожки, старательно следили за порядком, теперь же в их отсутствие верх одержала природа. И – острое впечатление заброшенности. Некоторые строения почти скрылись под сугробами, угадываются одни крыши да стены с наветренной стороны, другие изначально строились повыше, потому торчат безлюдные, осиротелые, с распахнутыми настежь дверями. А ветряки вертятся, и нет им никакого дела в ненужности извечного движения по кругу.

– Никаких следов, – нервы Димки напряглись струной, малейший звук – и лопнут, парнишка постоянно озирается, не убирает палец с курка.

– Все засыпало давно, – тихо отозвался Воронов. Опасности он не чувствовал, миновала она, ушла, совершив черное дело. – Разве что в избах посмотреть. Вдруг найдем какую подсказку? Зови наших. Нечего им там сидеть.

Сам же мельком подумал о другом. До темноты вернуться разведчики не успевали. Изначально предполагалась ночевка здесь, к гостям староверы относились не слишком хорошо, но не гнали, привыкли уже к редким визитам. Теперь предстояло выбрать из двух вариантов: то ли ночевать прямо в тайге, то ли здесь, посреди вымершей деревни. Знать бы еще, отчего вымерла? По идее, любые бактерии на морозе обязаны погибать, и все же вдруг?

Пока подтягивалось прикрытие, Воронов лишь чуть прошел по селению. Снег надежно укрыл былую трагедию. Тут нужна целая рота, чтобы раскопать хоть что-нибудь. Да и то...

– Я – в церковь, – люди верили, обязаны были посетить небольшой храм, вознести мольбы к тому, кто не сможет или не захочет их защитить.

Крыльцо было высоким, вдобавок сверху имелся довольно большой навес, и потому наместе внутрь не могло.

Кости попались здесь же, еще перед распахнутой дверью в храм. Обглоданные зверьем, переломанные, растасканные, и не понять, сколько человек нашло здесь свою кончину. Зрелище было видно столько раз, что давно не вызывало особых эмоций. Сознание лишь мельком отметило главное: людей не хоронили, видно, было некому. Велено же предавать прах земле, а раз верующие пренебрегли незыблемым правилом...

Хотя тут могли лежать последние из жителей. Скажем, кто-то умер от мора, был зарыт, потом – следующий, но кто-то ведь остался последним, непогребенным. Потом, что зверье, что мародеры всегда найдутся. Одни растащат кости, другие – вещи. Только и разница – в порядке. Ограбят, потом съедят, или наоборот. Дверь в храм не закрылась по банальной причине – несколько костей сыграли роль клина.

Внутри храм напоминал декорации «Вия» с поправкой на вечную зиму. Стены покрыты белым налетом, кое-где ледок, однако имеются и черные пятна несостоявшегося пожара. Не то свечки падали, не то лампы, а почему все погасло, попробуй угадай. Иконы разбиты, частью валяются на полу, частью перевешаны верх ногами. Только вместо гроба с телом панночки повсюду валяются кости, многие явно детские.

Было настолько мрачно, что находиться в бывшем Божьем доме не хотелось. Молодежь вышла сразу, мужчины постарше чуть помедлили. Нет, они не старались показаться храбрее, каждый был на виду, и стоимость любого была давно ясна, так, приглядывались слегка, не отыщется ли разгадка трагедии? Что хотя бы было первым: визит таинственных бандитов или появление зверей? Умерли ли прихожане или были убиты? Ничего не понятно. Кости молчат, обрывки одежды не говорят ничего.

На крыльце дед напряженно всматривался куда-то в даль.

– Померещилось, вроде тень промелькнула, – тихо сказал старик в ответ на невысказанный вопрос и запустил в густую бороду пятерню. Рукавицы он снял, чтобы сподручнее было действовать.

Но, насколько позволяла видеть не слишком высокая ограда, никого по ту сторону не было. На открытом месте – точно, а за забором или за каким деревом – не разобрать.

– Да ну, – попытался отмахнуться Димка.

Вид у внука был неважным, лицо побелело не только от мороза. В голосе разведчика звучало не столько сомнение, сколько желание сомнения.

– Может, и почудилось. Волки обычно воют, – медленно произнес Воронов. – Но оружие всем держать наготове. Пошли к избе Еремея. Вдруг ответ отыщется там?

Предложение было логичным. Раз Еремей был главным и все управление было завязано на нем, то где еще искать следы случившегося, как не в его жилище? Может, это будут какие-то записки, может, еще что-то, но вдруг старик по старинке фиксировал происходящие события?

Благо не настолько большим было поселение, все под рукой и в пределах короткой пешей прогулки.

Изба Еремея была капитальной. На высоком подклете, который не смог до конца завалить нетающий снег, как и церковь, с крыльцом, только здесь дверь не была открытой настежь. Ее вообще не было, выломал кто-то, и темный зев входа звал путников заглянуть внутрь.

Прямо здесь, в сенях, чуть в глубине от входа, валялся арбалет с лопнувшей тетивой и перерубленным ложем.

– Однако, – Воронов приподнял оружие. – А ведь били если не топором, так подобием меча... Это уже не звери...

Он сразу узнал арбалет. Как не узнать, когда именно из этой штуковины старший сын Еремея при первом знакомстве едва не всадил в капитана тяжелую стрелу! Едва увернуться успел...

Колчана со стрелами нигде не было, зато на полу валялось несколько стреляных гильз. И опять-таки человеческие кости.

– Значит, все-таки бой, – вздохнул Гаричев.

Наверняка тоже вспомнил хозяев. Негостеприимных, извечно агитирующих в пользу веры, помешанных на покаянии и все-таки своих.

Все было разграблено. Сундуки выпотрошены, мебель перевернута, даже одеял на разломанных кроватях не имелось. Отсюда явно волокли все, что только могло пригодиться в жизни, а учитывая нынешние времена, пригодиться в ней могла абсолютно любая вещь. Даже никчемный в прежнем мире клочок тряпки.

И – никаких записок, листков, прочего. Бумага тоже в жутком дефиците. Новую не производят, старую еще поискать. Сгнило же сколько!

Да и до бумаги ли?

Выстрелы загрели неожиданно. Подзадержавшийся у входа дед вовсю лупил из карабина. Воронов рванул первым, выскочил, сразу вскидывая автомат. Пространство перед избой было заполнено волками. Серые хищники неслись к дому, и пришлось открыть по ним огонь очередями. Было бы время – поблагодарил бы судьбу, что семь шестьдесят две – все же не пять сорок пять, и вреда зверям от них больше. Тут даже не требовалось целиться – хищники были рядом, и даже неизбежный разброс пуль играл против них.

Невольно шархнул назад старик. Его карабин был разряжен. Зато рядом опустился на колено Гаричев, и теперь работало уже два автомата. Мгновение спустя к стрелкам присоединился Димка.

Хищники падали, кувыркались, взвизгивали, но оставшиеся упорно неслись вперед на огрызавшуюся огнем, но такую желанную добычу. Автомат щелкнул вхолостую, и капитан заученно перекинул магазины. В какой-то момент показалось: не отбиться. Достаточно одному зверю прыжком взлететь на крыльцо, сбить с ног стоявших плечом к плечу людей, а дальше решать все будут клыки.

И все-таки четыре ствола (дед успел вогнать в казенник несколько патронов) перевесили. Какими бы ни были ярость и голод, визги раненых собратьев здорово сбили спесь со стаи. Волки не выдержали бьющего навстречу свинца, рванули в стороны, огибая близкую и недосягаемую избу.

– Ни хрена себе!

Мужчины невольно переглянулись. С десяток тел, частью уже затихших, частью еще бьющихся в агонии, лежали едва не вплотную к дому.

– Перескочили через ограду, сосредоточились... – зачем-то стал комментировать случившееся Воронов. – Н-да...

Волчья морда выглянула из-за угла, и капитан дал по ней очередь. Только зверь оказался проворнее, и пули умчались куда-то вдаль.

В рожке оставалось еще несколько патронов, однако капитан предпочел сменить его на новую связку. Следом остальные разведчики тоже принялись торопливо перезаряжать оружие. Волки явно никуда не ушли, находились под прикрытием стен, а в избе даже не было двери, которая способна была послужить какой-нибудь преградой. Ладно, в окна здоровенные хищники протиснуться никак не могли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.